

УДК 1 (091)

Б.В. Марков

Культурные практики формирования человеческих качеств

B.V. Markov

Cultural technologies of formation of the man (qualitative approach)

Аннотация. Системы образования, сложившиеся еще в эпоху Просвещения, делали упор на формирование знаний. Сегодня обучают технологиям, навыкам и способностям применять полученные знания на практике для достижения наибольшего экономического эффекта. В этом списке отсутствуют важнейшие духовные качества человека. В статье предлагается анализ формирования человеческих способностей в традиционной и современной культуре.

Abstract. The systems of education developed in the era of the Enlightenment emphasized the creation of knowledge. Today one is taught to technologies, skills and abilities to apply the received knowledge in practice for achieving the greatest economic benefit. This list does not contain any major spiritual quality of the man. The paper analyses formation of human abilities in traditional and modern culture.

Ключевые слова: благодарность, дар, душа, прощение, тело, человек, философия человека
Key words: gratitude, gift, soul, pardon, body, man, philosophy of the man

1. Введение

Как сохранить себя, свою неповторимость в процессе социализации? По мере продвижения по социальной лестнице люди постепенно сживаются с нормами и правилами той или иной подгруппы общества. До какой степени интегрируется и ангажируется отдельный человек, и какие представления о нормах направляют его при этом? Системы образования, сложившиеся еще в эпоху Просвещения, делали упор на формирование знаний. Сегодня заговорили о компетенциях, навыках и умениях. Они определяются как способности применять полученные знания на практике для достижения наибольшего экономического эффекта. Homo economicus ориентируется на законы рынка, который даже культуру, мораль и другие ценности превращает в символический капитал, конвертируемый в общественное положение.

Целью современного общества, скорее всего, не является "всестороннее развитие человека". Как исполнитель социальной роли он является агентом социума и его институтов. Однако человек не хочет быть только функционером, он ищет живых, душевных связей с другими. Он может встраивать "человеческое" в остывающие социальные пространства социального мира, например, устанавливать дружеские отношения на работе. Осознав, что общество не предназначено для дружбы, человек может создавать моральные, дружеские, просто развлекательные сообщества вне официальных мест труда.

Любая культура является прочной в том случае, если она не утратила духовных и душевных связей между людьми, и поэтому наряду с формами социальной интеграции должны развиваться и совершенствоваться формы духовного единства. Отсюда одной из важных задач современной философии остается аналитика практик существования. Несмотря на высокий уровень технической цивилизации, человек вовсе не избавлен от тяжелых жизненных испытаний. По-прежнему существуют несчастья, болезнь и смерть, поэтому требуется стойкость, мужество и терпение для того, чтобы их пережить. Таким образом, философия должна сохранять не только как критическая рефлексия, но и как жизненная мудрость. Мы едва родились, а уже осознаем свою смертность, к тому же надо принять болезни и несчастья, обиды и несправедливости. Молодые люди должны не только полюбить друг друга, но и создать, а, главное, сохранить семью, воспитать детей. И все это свободные мужчины и женщины должны принять и достойно исполнить. Традиционное образование состояло в том, чтобы на примерах прошлого достойно жить в настоящем. Современная философия почти не интересуется этими повторяющимися событиями по причине их тривиальности. В современном обществе многие рутинные формы труда трансформировались и даже исчезли. Люди уже не готовят себе пищу, не занимаются ремонтом одежды или мебели. И это имеет антропогенные последствия.

Практики становления субъектом, личностью, не сводятся к "движению мысли". Они включают то, что М. Мосс называл техниками тела. В этой связи необходимо разработать новую философию воспитания, которое в современной школе нацелено на нужды производства. На самом деле необходимо прививать детям навыки, умения и компетенции, необходимые для нормальной повседневной жизни. Вяч.Вс. Иванов считал, что ручной труд важнее технологического (Иванов, 2004). В.Н. Романов выделил

"симпрактический" – из рук в руки – способ передачи культуры (Романов, 1991). Элиминация рутинных практик тела отрицательно сказывается на психике. Сокращение доли тяжелого труда, уменьшение физической нагрузки привело к гиподинамии, анемии и неврастению. Ответом на это стал массовый спорт, а также разного рода фитнес-клубы (Богданова, 2013). Хотя это, может, и привело к внешнему расцвету тела, однако не способствовало формированию тех душевных качеств, которыми обладали жители традиционного общества. По мнению Нанси, Запад имеет дело с частями тела, это телесная катастрофа.

Культурно-антропологическое исследование формирования человека приводит к изучению образовательных и воспитательных практик. Воздействие знания остается непонятным без учета дисциплинарных практик, на которых держится школа с ее системой признания, включающей процедуры экзаменов, защиты и присвоения ученых степеней и званий. В своих работах "Порядок дискурса" и "Что такое автор" М. Фуко выявил целый ряд инстанций признания (Фуко, 1996). Изрекаемые нами утверждения значимы в совершенно определенных условиях. Наши утверждения, наши отзывы и оценки истинны настолько, насколько они признаны другими. Но это признание мало похоже на герменевтический диалог или дискуссии свободной общественности. Притязание на знание "сути дела" определяется местом говорящего в общественной иерархии. Именно место заставляет нас говорить так, как, может быть, мы бы и не хотели.

Не только представления, но и другие переживания – разнообразные волевые и эмоциональные состояния – имеют то или иное когнитивное содержание, и поэтому могут быть оценены как рациональные или нерациональные. Вопрос в том, как это осуществляется на практике. Если сознание и реальность – это автономные, независимые структуры, то задача состоит в том, чтобы обнаружить каналы их подсоединения друг к другу. Эксперимент и техника изменяют не только объект, но и субъекта. Практическое отношение человека к миру имеет респонзивный характер. Жить – значит быть телом, владеть им и одновременно пребывать в другом – обрабатывать землю, строить, питаться, общаться (Азаренко, 2007).

При этом под техникой можно понимать не только инструменты, орудия труда и другие средства производства, но психотехнику, непосредственно направленную на "просветление" сознания. Суть этих технологий состоит в том, чтобы превратить человека из субъекта – господина природы, в "просвет", т.е. место, где она реализуется как бытие. Истоки формирования такого рода практик можно обнаружить в восточных психотехниках, в греко-римской "заботе о себе", а также в христианских практиках спасения. Эти практики сегодня оказываются весьма востребованными в связи с тем, что испытанные технологии классического образования перестали выполнять задачу гуманизации людей. Книжная культура с ее цивилизационными механизмами вытесняется массмедиа, которые влияют на поведение людей не понятиями и обоснованиями, а завораживающими душу звуками и зрелищами. К тому же, современная экономика ориентируется не на труд, а на потребление, и поэтому управление телесными потребностями и желаниями становится более важным, чем "промывание мозгов". Поэтому реанимация старинного искусства существования представляется сегодня весьма актуальной и своевременной.

2. Культура стыда и культура чести

В античной культуре было развито искусство заботы о себе, обучающее способам управления собой, своими желаниями, своим телом. Причем не только разум и познание способствовали хорошей и здоровой жизни, но также гимнастика, диетика, спортивные и иные состязания. В христианстве наставления касались заботы о душе, при этом культивировалось довольно жесткое "пастырство плоти". В Новое время место религиозной аскезы заняли практики медицинского и образовательного типа. На этой основе были сформулированы различные кодексы рационального поведения. Рационально-спортивные техники тела сначала использовались в процессе подготовки солдат регулярной армии, а затем в форме гимнастики и физических упражнений перешли в школу.

Духовная аскеза христианских монахов, учтивость и хорошие манеры благородного сословия являются частью цивилизационного моделирования рационального образа жизни. Со времен Ренессанса наблюдается явный сдвиг к усилению самоконтроля, способности смотреть на себя глазами других людей, говорить и думать о себе в третьем лице. Именно благодаря этому стало возможным рациональное отношение к действительности, обусловившее покорение природы и успех в контроле над экономикой и политикой. "Цивилизованному обществу" соответствует "цивилизованный человек", который старается вести себя так, как если бы он постоянно чувствовал на себе критический взгляд других. Ограничения, принимаемые на себя высшим классом, утверждают его превосходство. В придворном обществе комплекс удовольствий, связанных с переживанием своей спонтанной силы, вытеснялся комплексом удовольствий, основанных на переживании своей утонченности (Элиас, 2001).

Наряду с телесными отправлениями организма под контролем оказались и эмоции. В ходе усложнения общественной ткани осуждению подверглись не только агрессивное поведение, но и спонтанные желания. Воспитание сдержанности предполагает неприязнь к откровенному проявлению "внутреннего". Под воздействием стыда и отвращения активное и зачастую агрессивное переживание удовольствия трансформируется в пассивное, допускающее отстраненное видение ситуации. Непосредственный захват желаемого объекта уступает место стремлению заполучить его "по праву". Революции покончили с сословным строем, препятствовавшим самореализации буржуазии, но усвоенный ею придворный стандарт поведения сохранился, получив новое обоснование в представлении о достоинстве "цивилизованного человека", отличающем его от дикаря. Повседневные ритуалы поддерживали уже на более широком социальном пространстве тип личности, формирование которого сделало возможным параллельное образование гигантских политических и экономических объединений. Формируется общество, в котором своей цели достигают не силой, а правом, игрой на соотношении силы и справедливости, функцию насилия выполняют специальные институты государства.

Цивилизованный человек не испытывает удовольствия от проявления грубой силы и подчиняется закону не по принуждению, а добровольно. Постепенно он привыкает во всех жизненных обстоятельствах мысленно оглядываться на окружающих, побуждаемый желанием произвести приятное впечатление. Стремление выглядеть прилично и приятно, укоренившееся в человеке в виде стыда и неприязни ко всему грубому, способствовало пацификации европейского общества. Цивилизация, подобно любому социальному процессу, осуществляется, прежде всего, в форме изменения жизненного мира людей, их желаний, их способности переживать нечто как приятное или неприятное.

Старые технологии и эстетики существования модифицировались, но не исчезли. В буржуазном обществе, как показал М. Вебер, аскетичность, самодисциплина и расчетливость использовались для умножения капитала. Он стал основой жизни, и поэтому бережливость, расчетливость, экономность выдвинулись в качестве главных ценностей. Сегодня проблема жизни ставится и решается с точки зрения уникальности и индивидуальной свободы, которые стали высшими ценностями. Если раньше в условиях недостатка предметов потребления в ходу были принципы труда и экономии, когда деньги долго зарабатывались, а вещи долго служили, то сегодня в условиях излишка вещей формируется культ потребления. Поскольку рациональность и расчетливость складывались в сферах труда и познания, постольку люди оказались не готовыми к их применению в сферах свободного, спонтанного развлечения. Но экономика по-своему рационализировала "сферу услуг", превратив праздничные формы жизни и сопровождающие их застолье и веселье в индустрию повседневности, освоив такие места, которые ранее считались местами приватности, свободы, удовольствия и отдыха.

Страх телесного наказания, усиленно культивируемый в традиционных обществах, в частности, процедурой публичной казни, по мере развития косвенных связей между людьми, конкуренции и соперничества как внутри, так и между группами, приводит к совершенствованию чувствительности, вследствие чего формируются более тонкие формы репрессии – стыд, неловкость, грех, вина и другие. Если в страхе всегда есть нечто животное, родовое, и поэтому страх телесного наказания используется в патерналистских обществах, основанных на личностных отношениях, то чувство стыда уже связано с некоторыми формальными отношениями. Опасаясь потерять уважение в глазах окружающих, человек весьма озабочен своим внешним видом, манерами, речью, поведением и т.п.

Страх и разумность вовсе не исключают друг друга. Отсутствие страха не случайно характеризуется как безрассудство. Поэтому можно предположить, что страх является не чем иным, как формой рационализации чувственности, способной приостановить аффективное поведение. Не удивительно, что страх культивируется не только на индивидуальном, но и на общественном уровне. Сегодня именно благодаря разумности возникает страх войны, экологической катастрофы, эпидемических заболеваний и т.п. Страх не только не преодолевается по мере развития общества, но, напротив, тщательно культивируется. Человек, переживший в детстве опыт страха, получает мощную психическую энергию, которая может служить носителем высших духовных ценностей.

Стыд исходит как бы изнутри человека. Голос совести остается постоянным двойником индивида, осуждающим не только проступки, но и побуждения к ним. Стыд, таким образом, это не просто конфликт внутреннего и внешнего, а состояние сознания, характеризующееся напряжением отношений между Я и Сверх-Я. Абстрактное отношение индивидуального и неиндивидуального переживается человеком как моральный конфликт, который, в свою очередь, базируется на энергетическом потенциале телесной угрозы и наказания или чувства любви и уважения к другому. Стыд – это осуждение со стороны другого, перенесенное в план самоутверждения и самоуважения; его интенсивность связана с опытом страха, перенесенным в детстве, и последующим опытом любви и уважения к взрослым.

Чувство стыда, эволюционирующее со временем в общественное мнение, становится мощным регулятором социального поведения. Некоторые критики европейской культуры обращают свой взор к Востоку, где развита индивидуальная психотехника подавления влечений и желаний. Она кажется актуальной в связи с тем, что европейская культура ориентирована на покорение и преобразование природы с целью удовлетворения своих потребностей, но, как кажется, совсем не располагает способами их ограничения. Однако если обратить внимание на механизм общественного мнения, имеющий опору в чувстве стыда и страха потери самоуважения, нетрудно заметить, что цивилизационная система самоконтроля, основанная на самоосуждении, ничуть не менее эффективна, чем восточная аскетика. Наряду с этим оставался незамеченным процесс подавления витальных чувств на уровне повседневности. Современный человек характеризуется не столько избыточностью, сколько дефицитом чувствительности. Культура, воспитание, педагогика по традиции используют репрессивную технику подавления чувственности, однако она оказывается бесполезной, ибо современный человек нуждается и в раскрепощении, а не только в подавлении витальной сферы чувств.

Снижение чувственной энергии расценивается историками, культурологами, политологами как вырождение. По мнению Л.Н. Гумилева, "пассионарность" – необходимое условие существования этноса. К. Юнг также считал, что современное человечество растратило сокровища, веками культивируемые нашими предками в форме духовного опыта переживаний и страстей. Социологи видят угрозу в утрате личностных связей и чувств, которые скрепляли людей в традиционном обществе. Утрата страстей и влечений разрушает игру греха и покаяния, на которой спекулировала власть. Может быть, поэтому современное общество инстинктивно предпринимает попытки реанимации чувственности в форме производства дискурса насилия, извращения, ужасов и т.п.

3. Греко-римская "забота о себе" и восточная "психотехника"

В традиционном обществе философы предложили молодым людям искусство заботы о себе, где речь шла о способах управления собой, своими желаниями, своим телом. Способность желания снова интенсифицируется в обществе благоденствия, где главным становится потребление, и этим объясняется интерес к традиционным практикам удовольствия, которые, так или иначе, входили в круг "заботы о себе". Если у европейцев упор делается на технику изменения и покорения природы с целью удовлетворения потребностей, то на Востоке, где сохранились установки традиционного общества, стремятся жить в гармонии с природой и учатся управлять своими желаниями и влечениями. Отсюда развитие психотехники.

Конфуцианство направлено на воспитание добродетельного мужа. Главный упор делается на достижении "невозмутимости духа", которая достигается постоянной тренировкой, позволяющей сохранять самообладание в опасных ситуациях. Конфуцианская психогигиена освобождает от скованности, снимает напряжение и тем самым способствует адекватному поведению в чрезвычайной ситуации. При этом речь идет не о подавлении, а о мобилизации психофизических возможностей организма (Абаев, 1989).

В конфуцианстве, которое наиболее похоже на европейские практики воспитания, учитывается воля и жизненная энергия. Воля – это эмоционально-психическое состояние, а жизненная энергия – биоэнергетическое. Задача психотренинга состоит в концентрации, а затем использовании накопленной энергии в нужный момент. В принципе, это дает и терапевтический эффект: достижение равновесия продлевает жизнь.

Умение сдерживать себя и следовать ритуалу характерная черта "гуманного человека". Именно ритуал обеспечивает единство теории (этики) и жизни (поступки). При этом необходимо воодушевление при его исполнении: если не участвовать в жертвоприношении всеми чувствами, то это равноценно отсутствию жертв вообще. Нужно приносить жертвы предкам так, словно они живые. Серьезность, благоговение могут исчезать при повторении. Привычка и скука обязательно сопровождает ритуал, он превращается в мертвую традицию, обычай. Как этого избежать? Конфуций придавал большое значение музыке, музыке серьезной, благонравной, рождающей высокие чувства. Танцы тоже обязательная часть ритуала.

Конфуцианцы различали естественного и культурного человека примерно так, как греки противопоставляли себя варварам. Наоборот, у даосов естественный человек – это не животное и не варвар, а существо, живущее в гармонии с миром. Собственно "великое Дао" – это единство неба, земли и человека. Главная задача – достижение единства человека с космосом. Речь при этом идет не о рефлексии, а о растворении субъекта в объекте и наоборот. Ритуальным практикам социализации даосы противопоставляли психотехнику "просветления", способствующую достижению "великого единения". Я, избавленное от страстей, соединяется с бытием. Единство с Дао – это не рефлексия, а глубокое эмоциональное переживание, это не трансцендирование, а наоборот, погружение в имманентное.

Кришнамурти рисует западного человека в виде трехликого эгоиста: аскет, честолюбец, утопист. Все они рассчитывают на будущее, на становление. Утешаясь будущим, ориентируясь на становление, они утратили бытие. Между тем, время – это миг, все содержится в мгновении, понять его – значит стать свободным от времени (*Кришнамурти*, 1993). На Востоке время течет спокойнее и не зависит от курса валют. Впрочем, все это в прошлом. Биржа есть везде.

Искать рациональность в наставлениях буддийских монахов кажется безнадежным делом. Возможно, потому, что на самые простые вопросы нельзя дать прямые однозначные ответы. Что можно дать тому, у кого есть все, и что можно отнять у того, у кого нет ничего? Тут поневоле приходится прибегать к парадоксу и показывать, что именно богатые являются нищими и наоборот (*Судзуки*, 2002). Согласно дзену, если человек живет в истине, то познание не нужно, ибо оно предполагает дистанцирование от своего предмета. И все же мы должны думать и говорить. Отсюда необходимо реконструировать сложную игру познания и экзистенции, используя ресурсы европейской философии.

4. Страсти и желания

Под страстью понимается духовная, психическая энергия, физиологический темперамент – словом, некая мощь, динамика, эмоциональная интонированность сознания. Со страстью ассоциируются слезы или смех, горе или радость, любовь или ненависть. Она является проявлением самой сущности живого, которое ненасытно и перехлестывает через себя самого. Обычно страсть противопоставляется рассудочному познанию как форма желания, связанного с нехваткой или запретом. Если посмотреть на традиционное понимание страсти в философии, религии, этике, искусстве, то оно характеризуется в основном как политика переживания, контроля, подавления или сублимации страстей. Культура и воспитание поддерживают негативное отношение к страсти. Страсти подлежат подавлению. Ницше указал на то, что христианская политика укрощения страстей не только не эффективна, но и опасна. Страсть ("pathos", "passio") недостаточно определить как переживание, хотя это соответствует родовидовому отношению. Подавленные желания находят выход в реактивных чувствах злобы и ненависти. Фрейд назвал этот процесс "бессознательным", охарактеризовав его как важнейшую форму работы. Как всякая рабочая сила, психическая энергия подлежит эксплуатации и должна использоваться для производства продуктов культуры. Так возникло понятие сублимации, суть которой в трансформации и использовании "первичных позывов", "влечений" для стимуляции занятий культурным творчеством. Страсти являются мотором, прежде всего, современной экономики, которая рассчитана не просто на удовлетворение, сколько на производство желаний. Так мы оказываемся в рабстве совсем у других страстей, чем наши предки. Наши желания становятся искусственными и даже извращенными.

На вопрос о том, как возможно душевное общение и как оно возникает между людьми, можно дать два альтернативных ответа. Во-первых, в отличие от животного, человеческое чувство симпатии возникает как продукт диалога, в ходе которого познается истина, выявляется единство в понимании важнейших вещей и достигается нравственное признание друг друга. Вербальные философско-литературные техники являются весьма эффективными и надежными средствами гуманизации людей. Они цивилизуют темные порывы, нейтрализуют животные инстинкты, а главное – являются подконтрольными и позволяют переписывать и перенаправлять психическую энергию в нужном направлении на пользу общества. Страсть сублимируется для создания культурных и материальных ценностей, а также переводится в любовь к отечеству.

Во-вторых, чувство влечения возникает до, или помимо, разговора, как говорят, "с первого взгляда" пара людей испытывает взаимную симпатию. Согласно этому подходу, чувства не обманывают, а разговоры, допуская в интимную сферу другого – общественные нормы и ценности, неизбежно разрушают душевную идиллию. Платон в "Пире" дополнил познание любовью, а в "Государстве" взамен сократического диалога, нацеленного на познание того, в чем состоит благо, сделал ставку на телесные практики воспитания государственных добродетелей. Сегодня гуманистическая модель человеческой близости, опирающаяся на древнее искусство эротики, вытесняется сексуальными техниками получения наслаждения. Греческие философы признавали ее значение в виде дружбы и Эроса, однако приоритет отдавали рациональности. Любовь была лишь средством, мотивом постижения идей. В христианстве элементы эротологии (культ сердца Христова) также играют служебную роль. Христианство преодолевает месть, злобу и ненависть к врагам. Меняется направление любви: у греков любовь – это стремление к высшему, совершенному, прекрасному, истинному. Главная тема – отношения любящего и любимого, который представляет собой образец. По Платону, если бы мы были богами, то не любили бы. Они так совершенны, что у них нет стимула тянуться к высшему. Наоборот людям присуща агональность, проявляющаяся в любви к божеству, и это является движущей силой мирового состязания. Античная теория любви в эпоху Возрождения стала основой симпатической магии, в которой мир представляется как ансамбль духовных единств, связанных отношениями симпатии.

Христианство трансформирует античную модель. Любовь проявляется в нисхождении высшего к низшему, больного к здоровому, красивого к некрасивому, богатого к бедному, святого к грешнику и т.д. Бог – это не холодный образец, задающий пример, его сущность – любовь. В лице Христа Бог снизошел до человека. Он становится личностью, любящим Богом. Переворот в понимании любви состоит в том, что из "потребности" она превращается в благодать. В "Никомаховой этике" Аристотель обсуждает, сколько любви по справедливости должно принадлежать родителям, детям, родственникам, друзьям, соседям. Согласно, христианству, все достойны любви, снисхождения и служения. Тезис "возлюбите врагов ваших" потрясает. Суть его в том, что и добрые виноваты в существовании злых. Они оставили их на произвол судьбы, не помогли, не поддержали, не защитили их.

Забота о собственном благополучии и самосохранении – общий принцип капиталистической экономики и эволюционизма – на самом деле является признаком слабости секулярного общества. Наоборот, христианское пренебрежение к пище, одежде, собственности – это не отвращение к жизни, как полагал Ницше, а уверенность в абсолютной защищенности. Любовь – это деятельная помощь, а не простое сочувствие, она направлена на возрождение позитивных ценностей. В бедном видят человека, способного подняться с колен, и поэтому помогают. Кроме того, акт дарения делает лучше и того, кто дарит. Поэтому жертвенный порыв вполне естественен для сильного человека. Христианская любовь – это не биологически или социально оправданная любовь, она направлена не на "мир во всем мире", а на духовное ядро человека. Она не исключает земной любви, которая должна питаться от небесной и способствовать спасению души. С христианством на смену языческим богам – метафизическим эгоистам – приходит любящий Бог, который творит мир не от недостатка, а от избытка, и не для того, чтобы договариваться или торговаться. Любовь, не возникающая от избытка сил, становится бегством от самого себя. Поэтому чрезвычайно важно разобраться, лежит в основе христианства отвращение к собственному я, чтобы под видом любви к другому скрыть ненависть к нему, или же любовь и забота о себе – это источник жертвенной любви к другому.

Так называемый альтруизм часто вызван неуверенностью в себе, заставляющей служить другому. За благотворительностью, активностью в борьбе за права человека часто скрывается неспособность решить собственные проблемы. Пренебрежение собой выдается за любовь к другим. Подлинная любовь к самому себе не имеет ничего общего с эгоизмом. Суть ее в том, что любовь к себе – это любовь не к индивидуальности, а к человечности. За отречением от себя скрывается мстительный Иегова. В заветах Христа любить врагов, отдать последнюю рубашку и др. звучит не ресентимент, а сопротивление инстинктам враждебности и собственности. Любовь Христа к грешникам – это новая форма солидарности людей, она нацелена на преодоление разделения людей на плохих и хороших.

Евангельская мораль на первый план ставит спасение души. Грешник, который грешит, лучше грешника, который не грешит. Фарисей, имеющий благообразную личину, лояльный из страха осуждения со стороны общества, обращает внимание не на свою душу, а на свой образ. Аскетизм нередко прикрывает отсутствие таланта и способностей, а за целомудрием может скрываться неспособность к любви. Подлинный смысл аскетизма состоит в воспитании терпения, а также в испытании своих возможностей. Самоистязания также не свидетельствуют о любви к душе, а лишь о ненависти к телу.

В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и другие представители философии русского зроста настаивали на духовной сущности любви. Люди вступают в такое близкое взаимодействие не с целью освобождения от либидо и не для продолжения рода. Ими влечет непостижимая тяга к встрече с трансценденцией, символом коей у В.С. Соловьева и была София Божья премудрость. Согласно феноменологической теории пола М. Мерло-Понти и Э. Левинаса, условием сближения является стремление не столько к интеллектуальному и даже не к душевному, сколько к интимному единству. Другой воспринимается при этом как единственный, незаменимый и самый близкий человек, перед которым ты можешь предстать открытым и беззащитным. Любовь – это величайшее доверие, при котором другому открывается то, чего ты сам не знаешь о себе. Но не каждый способен вытерпеть другого на столь малом расстоянии, какое предполагает любовь.

5. Терпение

Раньше терпение культивировалось как средство против страдания, точнее это способ жить с болью, унижением, несправедливостью. Оно воспитывалось во всех культурах. Уже обряд инициации сопровождался тяжелыми испытаниями. Греки тоже подвергали молодых людей закаливанию, гимнастике, словесным атакам, заставляли их участвовать в состязаниях. При этом слово "агон" означало страдание и соревнование одновременно. Греки культивировали и мужество, и терпение. Когда терпение иссякало, а его не хватало надолго, мужчины впадали в ярость. Греки переживали страсть как нечто господствующее над людьми. Очевидно, что Ахилл был рабом такого рода страсти и впал в неистовство.

Это состояние ярости и гнева греки называли "меносом". Для него характерен временный наплыв энергии, который объяснялся вмешательством либо демонов, которые толкают к преступлению, либо богов, которые ведут на подвиг.

Платон осуждал музыку за то, что она приводит человека в состояние "меноса". Но он признавал и благотворное влияние экстаза, благодаря которому человек соединяется божеством. Неистовство, идущее от богов, прекраснее человеческой рассудительности. Весьма двойственно он относился и к вакхическим обрядам. Вроде бы с их помощью добивались очищения, однако Платону не нравилось, что это достигалось оргиастическим путем. Во всяком случае, два раза в году дионисийский ритуал освобождал греков от накопившейся энергии инстинктов. Трудно сказать, способствовало это упадку или расцвету культуры греков. Может быть, это была плата за излишнюю рационализацию.

Христианство культивирует страдание и соответственно меняется характер терпения. Это довольно-таки странная конструкция, которую мы уже слабо понимаем. Ницше вывел ее из мироощущения рабов. Ключевский приписал страдание и способность получать от него наслаждение русскому народу в целом.

Христианское терпение не сводится к мазохизму. Даже если оно проявляется в смирении, непротивлении и терпении, то эта пассивность проявляется как стимул для чувства сострадания. В храм приходят страдающие, обиженные, обездоленные люди. Сострадая мукам Христа, люди прощают несправедливость, забывают собственные обиды. Таким образом общественная связь, солидарность на время восстанавливается. Теория обманщиков-жрецов явно не объясняет функций религии в обществе. Она, действительно, связывает людей состраданием, покаянием и прощением.

Култ свободы сделал мужество центральным свойством человеческой экзистенции: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. На самом деле параллельно философским теориям свободы в обществе развиваются дисциплинарные практики, воспитывающие терпение, сдержанность, самодисциплину, предусмотрительность, расчет. Тела терпения создаются механизмами дисциплины и муштры. Они используются в казарме, дома, в школе и на работе. Терпение и мужество – это уже не пассионарный порыв, а методичная служба. Даже бальные танцы и хорошие манеры способствовали формированию телесной сдержанности и самодисциплины.

Сегодня каждый заботится о собственном комфорте, о доходах и расходах, о здоровье, наслаждении и развлечении. И вместе с тем, несмотря на заботу о себе, автономный индивид оказывается рабом общественных функций и кодов. Как говорил Хайдеггер, никто не принадлежит сам себе, его живут другие. Эти несколько темные слова означают, что все мы воспитаны так, чтобы выполнять необходимые общественные роли. Кроме того, буквально во всем, и не только в труде, но и в отдыхе, люди поступают по общепринятым кодам и подчинены социальным нормам.

Таким образом, можно говорить как об усилении, так и о трансформации машин терпения. Раньше люди жили в ужасающей тесноте. Трудно представить, как они переносили вид и запах друг друга. Судя по всему, сегодня нам труднее всего переносить тело другого. Если гражданин античного полиса связывали воедино телесная дружба и философия, то сегодня мы не способны терпеть другого на близком расстоянии. Абстрактная любовь к дальнему есть, а конкретной любви к ближнему нет. Как говорил Кант, повсюду царит злобно-недоверчивое отношение людей друг к другу. Чтобы другой не был отвратителен, фитнес, эстетическая хирургия, парфюмерия, сексология и психотерапия предпринимают усилия для того, чтобы превратить другого в источник наслаждения. Другой существует постольку, поскольку он удовлетворяет нашим требованиям. На самом деле следует уважать право другого быть другим.

6. Прощение

Мы живем в парадоксальной ситуации девальвации прощения и одновременно потребности в нем (Янкелевич, 2004). Прощение становится проблемой, потому что, с одной стороны, оно не является абсолютным. Как правило, осадок обиды всегда остается у униженных и оскорбленных и еще вопрос, все ли можно простить. Даже Достоевский – апологет покаяния и прощения, тем не менее, не мог простить Богу страданий маленьких детей. С другой стороны, в обществе работает некая "машина прощения", направо и налево раздающая индульгенции на том основании, что, как говорил Шекспир, нет в мире виноватых, ибо у каждого есть свои причины поступить так, а не иначе. Поэтому прощение всегда относится к неискупленной вине. Его нельзя надолго откладывать. Прощать – значит избавлять от наказания, от чувства вины.

Кажется, что в правовом государстве, где каждому воздается по заслугам и делам, нет нужды в прощении. Если преступник нанес ущерб, то он получает заслуженное наказание, которое делает прощение ненужным. Преступник отсидел положенный срок и вышел. Он не чувствует никакой вины. Может быть, таким путем достигается справедливость, однако обида не только остается, но после

решения суда еще и удваивается. Преступник и жертва обижены, оба горят мстостью. Поэтому Достоевский считал, что общество восстанавливается только в результате покаяния преступника и прощения со стороны потерпевшего.

Кажется, что ближе всего к прощению стоит милосердие. Но на самом деле между ними есть разница. В милосердии есть нечто холодное. Все-таки прощение – это некое драматическое событие. А в милосердии, которое не знает ни глубины зла, ни жгучей обиды, есть какой-то стоический холод. Также неуязвим и мудрец-стоик, который говорит, что дело не в обидчике, а в том, как мы оцениваем его поступок. Всепрощение присуще богатым или великим людям, которые живут слишком высоко над морем людских страстей. Им, в сущности, нечего и некого прощать, они не знают обидчика, ибо не вступают с ним в тесные и близкие отношения. Сознание обычного человека часто содержит много архаичного. Мы по-прежнему обижаемся, лжем, лелеем злобу, ненавидим, ищем врагов. Мы лучше помним плохое, чем хорошее. Кажется, что ненависть не подвластна времени. И все же, говорят, время лечит. Оно как бы изнашивает обиду. Можно ли в этом случае говорить о прощении? Честно говоря, нет. Обиду мы испытываем по отношению к личности. Прощение означает признание другого и включение его в моральное сообщество. Вспомним "Выстрел" Пушкина. Сначала все идет по обычной схеме. Обиженный откладывает выстрел, он ждет подходящего момента и приходит тогда, когда жизнь наиболее дорога обидчику. Он готов насладиться мстостью, но в последний момент отказывается от возмездия. Скорее всего, во времени происходит эрозия ненависти, она соприкасается с повседневностью, опошляется, приступы злобы становятся реже. Человеческая душа пластична, нет оскорблений, которые бы не забывались с течением времени. Может быть, когда мы тешим себя мыслью о мщении, происходит притупление злобы. Человек мстит мысленно, а не на самом деле. Он не создан для вечных мук, это удел жителей ада. Итак, время лечит тем, что как бы изнашивает ненависть. Но можно ли считать это прощением. Этика не принимает во внимание усталость души. Наоборот, она считается постыдной. Забвение обиды – это хорошо, но забвение любви и благодарности – плохо. Таким образом, приходится допустить плохую и хорошую память. Одна – открытая – освобождает место для хорошего будущего, другая наоборот состоит в охлаждении души, которая становится безучастной, (добру и злу внимает равнодушно).

Существует поговорка: понять, значит простить. Это силлогизм, логическая истина, почти причинно-следственная взаимосвязь. Но насколько близко понимание подходит к прощению. Смущает жесткость понимания. В прощении есть свобода, дар, нравственное признание. В рассудочном понимании нет ни обидчика, ни оскорбленного. Есть ссыла на стечение обстоятельств, на ход причин и следствий. Понимание разрушает уловки злопамятства, ложь и фантазмы, делает отношения людей более прозрачными. С этической точки зрения понимание как признание другого и есть первый шаг на пути прощения.

И все же рассудочное прощение – это, скорее, извинение, означающее несуществование проступка, отсутствие греха. Прощение и покаяние не сводятся к рефлексии. Великодушное прощение – это личностный творческий акт, открывающий новую эру. Вне рамок закона, отказываясь от своих прав на возмещение ущерба, великодушный человек растапливает застывшие, злопамятные души других. Непротивление злу часто выражается в пассивном отношении к дурному поступку. Прощение же обращено к греховному лицу. Будет ли оно во благо ему тому, кто прощает, не становится ли прощающий соучастником зла? Наверное, правильно сказать, что прощающий не меняет оценки греха, а превращает ненависть в любовь и тем самым обеспечивает возможность вечного мира.

Благодарность отвечает добром на добро, неблагодарность – злом на добро. Злопамятность – это воздаяние злом за зло. Наоборот, прощение – это ответ добром на зло. Забвение же не есть подлинное прощение. Примирение, как результат улаживания конфликта, конечно выше забвения. Оно связано с отказом от крайностей и способствует интеграции людей. Прощение тесно связано с доверием, пониманием, извинением. Если существует зло, воплощенное в дьяволе или каком-либо земном злодее, то на них и вина. По сути, так мы разгружаемся от ответственности. Чем злее дьявол и его инкарнации, тем меньше вина людей. Если есть мировое зло, то прощение выступает как извинение, которое, строго говоря, не является прощением, оно основано на допущении безгрешности, невинности обидчика. В терминах экономики можно сказать, прощение открывает злым неограниченный кредит, и он будет исчерпан, когда злодею надоест творить зло.

7. Заключение

Все ли можно и нужно прощать? Прощение не предназначается для нераскаявшихся виновных. Да они его и не просят. Поэтому поспешное братание превращает прощение в фарс. В конце XX в. мы списали почти все долги, настала эра всепрощения под названием толерантность. Но это длилось недолго, и конфликты снова решаются средствами насилия. Поэтому в терпимости есть свой резон. По

большому счету, тот, кто прощает, признает грешника, подразумевая, что и он не без греха и мог бы оказаться на его месте.

Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ, проект № 13-03-00386 "Квалитативизм как онто-методологическая установка новой гносеологической стратегии".

Литература

- Абаев Н.В.** Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. *Новосибирск, Наука, 272 с., 1989.*
- Азаренко С.А.** Сообщество тела. *М., Академический проект, 239 с., 2007.*
- Богданова М.А.** Институт спорта: социокультурная динамика. *Ростов н/Д, Изд. Южного федерального университета, 295 с., 2013.*
- Иванов Вяч.Вс.** Наука о человеке. *М., РГГУ, 194 с., 2004.*
- Кришнамурти Д.** Проблемы жизни. *М., Разум, 448 с., 1993.*
- Романов В.Н.** Историческое развитие культуры. *М., Наука, 190 с., 1991.*
- Судзуки Д.Т.** Очерки о дзэн-буддизме. *СПб., Наука, 469 с., 2002.*
- Фуко М.** Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. *М., Касталь, 448 с., 1996.*
- Элиас Н.** О процессе цивилизации. *М., Университетская книга, 2001.*
- Янкевич В.** Ирония. Прощение. *М., Республика, 335 с., 2004.*

References

- Abaev N.V.** Chan-buddizm i kulturno-psihologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae [Dzen-buddism and cultural-psychological traditions in medieval China]. *Novosibirsk, Nauka, 272 p., 1989.*
- Azarenko S.A.** Soobshchestvo tela [Community of a body]. *M., Akademicheskii proekt, 239 p., 2007.*
- Bogdanova M.A.** Institut sporta: sotsiokulturnaya dinamika [Institute of sports: Socio-cultural dynamics]. *Rostov n/D, Izd. Yuzhnogo federalnogo universiteta, 295 p., 2013.*
- Ivanov Vyach.Vs.** Nauka o cheloveke [Science about the man]. *M., RGGU, 194 p., 2004.*
- Krishnamurti D.** Problemy zhizni [Problems of life]. *M., Razum, 448 p., 1993.*
- Romanov V.N.** Istoricheskoe razvitie kultury [Historical development of culture]. *M., Nauka, 190 p., 1991.*
- Sudzuki D.T.** Ocherki o dzen-buddizme [Sketches about dzen-buddism]. *SPb., Nauka, 469 p., 2002.*
- Fuko M.** Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti [Will to truth. Beyond knowledge, authority and sexuality]. *M., Kastal, 448 p., 1996.*
- Elias N.** O protsesse tsivilizatsii [About process of civilization]. *M., Universitetskaya kniga, 2001.*
- Yankelevich V.** Ironiya. Proschenie [Irony. A pardon]. *M., Respublika, 335 p., 2004.*

Информация об авторе

Марков Борис Васильевич – Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, зав. кафедрой философской антропологии, д-р филос. наук, профессор, e-mail: bmarkov@mail.ru

Markov B.V. – Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University, Head of Department of Philosophical Anthropology, Dr of Philos. Sci., Professor, e-mail: bmarkov@mail.ru